

Ведь человека бьют, как скот рогатый,
Сажают в тюрьмы, башни, казематы;
Он терпит боль, несчастье и тревогу,
И часто незаслуженно, ей-богу.
Скажите, где же мудрость провиденья,
Когда невинность терпит зря мученья?
Ведь человек страдает тем сильнее,
Что должен по религии своей
Во имя бога страсти побороть,
А скот творит, чего желает плоть.
Подохнет скот – и нет ему забот,
А человека наказание ждет,
Хоть он и в жизни зло и скорбь терпел.
Поистине, таков его удел.
Пусть богослов на это даст ответ,
Одно я знаю: полон муки свет.
Увы, я вижу, вор и подлый змей,
Изведший многих праведных людей,
Свободно ходит и живет прекрасно,
А я – в узилище томясь всечасно,
Гоним Юноной бешеной, ревнивой,
Почти что обескровившею Фивы
(Хоть крепки были стены и брустверы),
Терплю к тому еще и от Венеры,
Боясь Арситы и к нему ревнуя».
Но тут о Паламоне речь прерву я,
Его в тюрьме оставляю и в плену
И об Арсите вновь рассказ начну.
Проходит лето, удлинились ночи,
Страдают вдвое горше и жесточе
И узник и влюбленный, и, ей-ей,
Не знаю я, чей жребий тяжелей.
Сказать короче: бедный Паламон
Пожизненно в темницу заключен,
Чтоб в ней томиться до скончанья дней;
Арсита ж изгнан из державы сей,
И никогда под страхом смерти впредь
Возлюбленной ему не лицезреть.
Кому ж теперь – влюбленные, решите! -
Тяжеле? Паламону иль Арсите?
Ведь этот даму видит день за днем,
Но сам он скрыт в узилище своем,
А тот повсюду ходит без труда,
Но дамы не увидит никогда.
Судите сами: вам оно видней,
Я ж возвращаюсь к повести своей.
Арсита в Фивах жил и сокрушался,
Твердил: «Увы!» – и часто чувств лишался:
Он с дамою своей навек в разлуке.
Я вкратце вам скажу об этой муке,
Что не был и не будет так убит
Тоской никто – с тех пор как свет стоит.
Еда, питье и сон на ум нейдут,
И стал он тощ и высох, словно прут.
Глаза ввалились, смотрит мертвецом,